

И. Е. Суриков

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ОСТРАКИЗМА И АФИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА*

Институт остракизма в Афинах изучен достаточно хорошо¹, однако и по сей день в историографии сохраняются применительно к нему некоторые aberrации, основанные скорее на общепринятых постулатах, чем на доказанных фактах. В частности, стало уже привычным однозначно ассоциировать эту процедуру с демократией. Понимание остракизма как в высшей степени демократического института, формы борьбы, порожденной именно и конкретно демократическими полисами классической Греции, следует признать весьма распространенным. Так, Дж. Ларсен считал, что афинские остракофории V в. до н.э. были проявлением конфликта между демократией и сторонниками олигархий² (это, на наш взгляд, чрезмерно упрощенный подход к истории политической борьбы в Афинах классической эпохи, – борьбы, которая отнюдь не развертывалась по дуальной схеме «демократы – олигархи»³). Автор недавней монографии о ранних греческих демократиях Э. Робинсон высказывает мысль, что остракизм – «в высшей степени демократическая процедура», «одна из яснейших специфических черт демократии»⁴. «Сильным средством борьбы за демократию» называл остракизм Ю.Г. Виноградов⁵, а К. Моссе – «характерной практикой греческой демократии»⁶.

В действительности, однако, ситуация не так проста и однозначна. В сущности, нет по-настоящему серьезных оснований обязательно связывать остракизм исключительно с демократической формой правления, и только с ней. По сути дела, не существует какого-либо непримиримого противоречия между практикой остракизма и аристократическим или олигархическим государственным устройством. Вопрос заключается лишь в том, в ведении какого орга-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (код проекта 03-06-80066) и РГНФ (код проекта 02-01-00010а).

¹ Представление об обилии исследований по различным аспектам данной темы можно получить хотя бы из историографического обзора: *Martin A. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches* // REG. 1989. 102. P. 124–145. Уже после выхода этого обзора появилось немало новых работ. Указание на важнейшие из них см. *Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории* // ВДИ. 2001. № 2. С. 118. Прим. 4. Впрочем, и приведенный там перечень уже мог бы быть дополнен.

² *Larsen J.A.O. Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens* // *Essays in Political Theory Presented to G.H. Sabine*. Ithaca, 1948. P. 16.

³ Ср. важные методологические замечания по этому поводу в работе: *Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский*. М., 1993. С. 56 слл.

⁴ *Robinson E.W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart, 1997. P. 40–41, 62.

⁵ *Vinogradov J.G. Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike* // *Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* Mainz, 2001. S. 379–386.

⁶ *Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque*. Bruxelles, 1992. P. 358.

на – народного собрания (при демократии) или Совета (при аристократии или олигархии) эта процедура находилась⁷. А в этом отношении возможны самые различные варианты. Известно, например, что даже в Афинах остракизм изначально был прерогативой не еkkлeсии, а какого-то Совета, скорее всего Совета четырехсот (*Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^v*)⁸. По большому счету остракизм несовместим, пожалуй, лишь с тиранией, да и тут не обойтись без оговорок. Если тиран желал соблyности хотя бы видимость законности и легитимности своей власти в полисе (а именно такова была политика афинских Писистратидов почти до самого конца правления династии), ничто не мешало ему для устранения противников прибегнуть к подобного рода правовой процедуре, тем более что нужный результат голосования в Совете, укомплектованном ставленниками правителя⁹, был заведомо обеспечен.

Не случайно в недавно вышедшей работе Д. Мерхади «Ритуальные истоки афинского остракизма» выдвинута нетривиальная гипотеза: происхождение остракизма значительно лучше укладывается в исторический контекст архаической эпохи с ее острой межаристократической борьбой, нежели в рамки полностью демократического полиса. Остракизм, как считает Мерхади, вообще был более созвучен аристократической, чем демократической культуре¹⁰. Мы, со своей стороны, укажем на следующее обстоятельство, кажется, говорящее в пользу данной точки зрения. Афинская демократия получила свою наиболее полную и законченную форму к началу IV в. до н.э.¹¹ И именно тогда остракизм фактически прекратил существование¹². Предшествующее же столетие, V в. до н.э., в течение которого функционировал этот институт, было по сути дела на всем своем протяжении затянувшимся переходным периодом от аристократического полиса к демократическому, когда ведущую роль в общественной жизни еще играли политические лидеры из знатных родов. Они-то и становились жертвами остракизма¹³. И по мере того, как этих аристократических лидеров демократии становилось все меньше и меньше, к остракизму все реже прибегали, все более он производил впечатление отмирающей процедуры.

Каковы наиболее существенные черты института остракизма – те, что делают его остракизмом как таковым, отличая от прочих форм изгнания? Таких черт, в нашем понимании, три: а) изгнание не в качестве наказания, а, так сказать, «для профилактики», т.е. не в связи с виной, лежащей на гражданине, а просто потому, что он стал «слишком влиятелен» или по какой-либо иной причине; б) изгнание на фиксированный срок; в) изгнание с применением специфической процедуры – голосования надписанными предметами (в Афинах черепками, в Сиракузах листьями и т.п.). Интересно, что третья из перечисленных черт, несмотря на то что в античности она, видимо, осознавалась как

⁷ Нам уже приходилось высказывать эту мысль: Суриков И.Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики. Межвуз. сб. научн. тр. Нижний Новгород, 1999. С. 49, 51.

⁸ Публикацию этого текста см. *Keaney J.J., Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism // American Journal of Philology. 1972. 93. 1. P. 87–91.*

⁹ Как раз подобным образом обстояло дело в Афинах при Писистратидах, которые проводили на высшие государственные должности своих людей (ср. *Thuc. VI. 54. 6*).

¹⁰ *Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. 11. 1. P. 19: «This model was more attuned to an aristocratic than a democratic culture».*

¹¹ Ср. *Eder W. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 11–28.*

¹² О хронологическом совпадении этих двух фактов, которое вряд ли может быть случайным, см. также: *Tarkiainen T. Die athenische Demokratie. Zürich – Stuttgart, 1966. S. 116.*

¹³ Последний раз этот принципиальный, но при этом, на наш взгляд, вполне очевидный вывод сформулирован, насколько нам известно, в работе: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 407–410.*

самая важная и даже дала название всему институту, в действительности представляется наименее принципиальной. Преимущественное же внимание следует обратить на черту, охарактеризованную нами первой: остракизм как изгнание, в сущности, ничем не провинившегося человека. Подобная практика удаления из полиса невиновных известна в греческом мире и помимо остракизма. Но все случаи, когда к ней обращались, предполагали ритуальный, карthagический контекст.

В связи с вышесказанным не удивительно, что рядом исследователей отмечались определенные религиозные коннотации, изначально присущие остракизму¹⁴. Особенно настоятельно они подчеркиваются в статье Л. Холл, скромно озаглавленной «Заметки по поводу закона об остракизме», но являющейся, по нашему глубокому убеждению, одной из наиболее интересных и ценных работ, когда-либо посвящавшихся рассматриваемому институту¹⁵. Исследовательница, пожалуй, впервые в мировой историографии всерьез предложила посмотреть на проблему происхождения остракизма под новым углом, весьма убедительно продемонстрировав, что та форма этой процедуры, которая применялась в Афинах в V в. до н.э. и которая лучше всего известна нам, была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков. В конечном счете мы имеем дело с рудиментарной, секуляризованной формой древнего, как мир, магического ритуала – изгнания «козла отпущения» (греч. φαρμακός)¹⁶. Фармак по своему положению являлся *sacrosanctus*, т.е. одновременно «проклятым» и «священным», «неприкасаемым» и «неприкосновенным». Именно поэтому лица, подвергнутые остракизму, с одной стороны, удалялись с территории полиса и тем самым отстранялись от соприкосновения со святынями и от общения с согражданами, а с другой стороны, на имущество такого изгнанника запрещено было посягать, оно являлось неприкосновенным. Отнюдь не случайно, что остракофория проводилась ровно раз в год – ни чаще, ни реже, причем весной, в пору обновления природы; изгнанник как бы уносил с собой грехи, накопившиеся в гражданской общине в течение очередного календарного цикла.

Впрочем, во избежание чрезмерного увлечения идеями религиозного происхождения остракизма необходимо сделать ограничительное замечание. Следует четко отделять вопрос этиологии феномена от вопроса его актуальной функции. Каковы бы ни были ритуальные истоки интересующей нас процеду-

¹⁴ Например: *Ranulf S. Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V. 2. Copenhagen, 1934. P. 280; Moulinier L. Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'à la fin du IVème siècle av. J.-C. P., 1950. P. 222; Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 269–270; Лурье С.Я. История античной общественной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.–Л., 1929. С. 154; Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 252–260. Отметим, что в эпоху архаики, когда, судя по всему, формировались институты, из которых впоследствии вырос «классический» остракизм, вообще трудно ожидать какого-либо явления без религиозных коннотаций: роль религии в мировоззрении была еще очень велика (ср. *Frost F.J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83*).*

¹⁵ *Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. 4. S. 91–100*. Выводы Холл обретают все большую поддержку в антиковедении; см., например: *Siewert P. Accuse contro i «candidati» all' ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell' Istituto di storia antica, Milano. 1991. 17. P. 8*. Мы, со своей стороны, должны констатировать, что прочли ее статью уже после того, как наша концепция о раннем и постепенном происхождении остракизма уже в основных чертах сложилась, и были весьма рады ознакомиться со взглядами единомышленника.

¹⁶ О древнегреческих ритуалах, в которых использовались фармаки, см. *Frazer J.G. The Golden Bough. V. 6. 3 ed. L., 1920. Passim; Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybakhoi in Athen. München, 1926; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 233*.

ры, в V в. до н.э., в демократических Афинах она, бесспорно, воспринималась уже как вполне секуляризованный институт, а жертвы остракофорий вряд ли напрямую ассоциировались с фармаками (разве что на уровне подсознания). Теперь, после вышеизложенных предварительных наблюдений мы можем перейти непосредственно к вопросу о функциях остракизма. И прежде всего скажем несколько слов о том, как эти функции понимали античные авторы.

Дж. Кини, один из ведущих в современном антиковедении знатоков нарративной традиции об остракизме, высказал по этому поводу интересную гипотезу¹⁷. По его представлениям, в IV в. до н.э., когда, собственно, было в основе своей сформировано ядро античной историографии об этом институте (позднейшие писатели в большинстве своем опирались на данные авторов позднеклассической эпохи)¹⁸, существовали два основных взгляда на назначение остракизма, которые Кини называет «аттидографическим» и «перипатетическим». Согласно первому (и более раннему) из этих взглядов, остракизм был введен в Афинах для борьбы со сторонниками изгнанных тиранов Писистратидов. Второй, «перипатетический» взгляд представляется более широким: он предполагает направленность остракизма против чрезмерно сильных и влиятельных политиков вообще. Кини считает, что этот расширительный взгляд на остракизм выработал Аристотель в «Политике», поскольку не хотел в своем анализе полисных институтов ограничиваться афинскими рамками и включил в трактат материал об остракизме из других городов Эллады. Что же касается более ранней «Афинской политики»¹⁹, то там цели введения остракизма обозначены еще в чисто «аттидографическом» ракурсе.

Итак, вычлняются два подхода к проблеме целей остракизма: один – более узкий и конкретный, восходящий к аттидографам, которые в первую очередь

¹⁷ *Keaney J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 261 ff.* Следует отметить, что в некоторых основных чертах концепция Кини была несколько ранее предвосхищена А. Раубичеком: *Raubitschek A.E. Aristoteles über den Ostrakismos // Tyche. 1986. 1. S. 169 ff.*

¹⁸ В целом по поводу складывания историографии об остракизме см. *Суриков И.Е. Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. 2002. 2. С. 51–74.*

¹⁹ Как известно, вопрос о хронологическом соотношении «Политики» и «Афинской политики» остается дискуссионным. С одной стороны, практически сразу же после издания «Афинской политики» было справедливо подмечено, что некоторые факты, упоминаемые в этом трактате, дают т.р.ч. для него – 328 г. до н.э. (*Sandys J.E. Introduction // Aristotle's Constitution of Athens: A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testimonia and Indices. 2 ed. L., 1912. P. XLIX*). Это делает «Афинскую политику» едва ли не последним произведением Аристотеля, во всяком случае, более поздним, чем «Политика», работа над которой шла в 330-х годах. С другой стороны, несомненно и то, что «Афинская политика» составлялась в ходе сбора эмпирического материала для теоретической «Политики», т.е. стадияльно, по содержанию, она должна была предшествовать ей (ср. *Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 46*). Найти выход из складывающегося противоречия позволяет предположение, что «Афинская политика» уже после написания основной части текста дополнялась и перерабатывалась самим автором в 320-х годах до н.э. (ср., например: *Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 75*). Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь еще одного спорного вопроса – об авторстве «Афинской политики». Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: *Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 27–30; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenion Politeia. Oxf., 1981. P. 58–63; Whitehead D. 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // Aristote et Athenes. P., 1993. P. 25–38*. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политики» мог работать не сам глава Ликея, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политику» именно аристотелевым произведением.

интересовались фактологической историей Афин и не стремились выходить за ее рамки; другой – представляющий собой попытку более широкого взгляда на вещи, впервые использованный, по мнению Кини, Аристотелем. Казало бы, все правильно. При обзоре нарративной традиции об остракизме начиная с IV в. до н.э. и далее в ней действительно обнаруживается определенная дихотомия. Одни авторы (их меньшинство, и среди них важнейшее место действительно занимают аттидографы) предпочитают говорить о введении остракизма для того, чтобы покончить с афинскими «друзьями тиранов» (Androt. FGrHist. 324. F6; Arist. Ath. pol. 22. 3–6; Philochor. FGrHist. 328. F30; Нагрост. s. v. Ἴππαρχος). Другие же следуют мнению Аристотеля, неоднократно высказываемому в «Политике» (1284a4 sqq.; 1288a15 sqq.; 1302b15 sqq.), и прямо говорят или имплицитно подразумевают, что остракизм был направлен против выдающихся граждан в принципе, безотносительно к Писистратидам (Diod. XI. 54. 5; XI. 86. 2; XIX. 1. 3; Plut. Aristid. 7; Aristid. XLVI. p. 242–243 Jebb = II. p. 316–317 Dindorf; Bekker Anecd. I. 285. 20 sqq.; Etym. Magn. s. v. ἐξοστρακισμός).

Но «изобрел» ли Аристотель эту вторую точку зрения? Позволим себе в этом усомниться. Дело в том, что есть ведь и самые ранние отзывы античных авторов об остракизме, относящиеся к V – началу IV в. до н.э. Они, таким образом, предшествуют как складыванию аттидографической традиции, так и, тем более, появлению перипатетической школы. Уже обращалось внимание²⁰ на то, что в этих свидетельствах остракизм рассматривается как мера, направленная против могущественных, знатных по происхождению лиц, вызывавших опасения у сограждан, а о Писистрате и Писистратидах в данной связи ничего не говорится. Так, комедиограф конца V в. до н.э. Платон в одном из сохранившихся фрагментов (fr. 187 Kock) говорит об изгнанном остракизмом демагоге Гиперболе: οὐ γὰρ τοιούτων εἴνεκ' ὄστραχ' εὐρέθη («ведь остракизм изобретен не для таких»). Этим подразумевается, что Гипербол, будучи человеком незначительного происхождения, «недостойн» остракизма. Далее, Фукидид (VIII. 73. 3) пишет о том же Гиперболе, что его подвергли остракизму οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως («не из страха перед его могуществом или влиянием, но из-за его порочности, так как его поведение позорило город»). Таким образом, и для этого историка Гипербол – несомненное исключение, а обычно жертвами остракизма, по его мнению, становились именно люди, вызывавшие страх своим «могуществом и влиянием». Далее, оратор Андокид (IV. 35)²¹ полагал, что закон об остракизме был направлен против тех лиц, которые оказываются сильнее должностных лиц и законов

²⁰ Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // *Classica et mediaevalia*. 1970 (1976). V. 31. P. 93.

²¹ По дискуссионной проблеме авторства IV речи корпуса Андокида, целиком посвященной остракизму, см. Raubitschek A.E. The Case against Alcibiades (Andocides IV) // *TAPhA*. 1948. 79. P. 191–210; Burn A.R. A Biographical Source on Phaiax and Alkibiades? ([Andokides] IV and Plutarch's Alkibiades) // *CQ*. 1954. 4. 3/4. P. 138–142; Feraboli S. Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // *Maia*. 1974. 26. 3. P. 245–246; Furlley W.D. Andokides IV ('Against Alkibiades'): Fact or Fiction? // *Hermes*. 1989. 117. 2. S. 138–156; Siewert P. Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // *Innere und äußere Integration der Altertumswissenschaften*. Halle, 1989. S. 226–232; Heftner H. Ps.-Andokides Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussionen nach dem Sturz der 'Dreißig' in Athen // *Klio*. 1995. 77. S. 75–104. Мы не находим достаточных оснований для того, чтобы исключить принадлежность речи Андокиду. Впрочем, вопрос этот не самый принципиальный; важнее другое – речь была составлена в самом начале IV в. до н.э. и, таким образом, независимо от того, кто был ее автором, является одним из наиболее ранних источников по афинскому остракизму.

(τοὺς κρείττους τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν νόμων), и особенно против тех из них, кто запятнал себя несовместимым с демократией поведением (так, Климон якобы был изгнан за то, что незаконно сожительствовал с сестрой Эльпиникой – Andoc. IV. 33).

Таким образом, тот взгляд на назначение остракизма, который Кини определяет как «перипатетический» и связывает с именем Аристотеля, в действительности значительно древнее; Стагирит только наиболее подробно развил его. Насколько можно судить, именно этот взгляд и был изначальным, бытовавшим в ту эпоху, когда остракизм был актуально функционировавшим институтом. Позже, когда он вышел из употребления и представления о его действительном происхождении стали расплывчатыми, начались (прежде всего со стороны аттидографов) различные спекуляции, стали появляться теории умозрительного характера. Достаточно легко было сделать умозаключение по принципу *post hoc ergo propter hoc*: закон об остракизме был издан Клисфеном вскоре после ликвидации тирании Писистратидов, следовательно, эти два события как-то связаны друг с другом. Вывод напрашивался сам собой: остракизм был направлен против тех сторонников тиранов, которые еще оставались в Афинах (Гиппарха, сына Харма, и т.п.). Так и сформировался «аттидографический» взгляд на введение остракизма, по своей природе вторичный и более поздний по отношению к основному.

Впрочем, нам представляется, что в целом вряд ли корректно говорить о двух противостоявших друг другу в античной историографии точках зрения на причины и цели введения остракизма, на его функции. Скорее речь идет о двух различных пониманиях самого института остракизма: более общем и более узком, конкретном. Иными словами, следует отличать друг от друга два аспекта проблемы: с одной стороны, остракизм в широком смысле слова, включая аналогичные ему процедуры, т.е. достаточно распространенная в Греции классической и даже архаической эпох практика изгнания индивида в «профилактических» целях. С другой стороны – частный случай Афин конца VI в. до н.э., когда Клисфеном в совершенно определенной политической ситуации был издан закон, от которого берет начало наиболее известная «демократическая» форма остракизма в народном собрании. Безусловно, рассматривать эти два аспекта тоже следует по отдельности: вначале попытаться определить общие предпосылки, способствовавшие возникновению в полисном мире «остракизмоподобных» институтов в принципе (т.е. пойти по пути, намеченному в «Политике» Аристотеля), а затем разобраться с вопросом о конкретных причинах и целях принятия конкретного клисфеновского закона (иными словами, пойти по «аттидографическому» пути) и выяснить, действительно ли в этом сыграла свою роль (и какую) боязнь перед оставшимися в Афинах сторонниками Писистратидов.

Думается, никто не усомнится в том, что остракизм, где бы и когда бы он ни вводился, был направлен своим острием прежде всего²² против сильных, властных, могущественных аристократических лидеров, против тех из них, кто становился настолько влиятельным, начинал настолько выделяться в

²² Хотя и не исключительно. В принципе остракизму, во всяком случае в Афинах V в. до н.э., могли (хотя и редко) подвергаться лица, сами по себе не расценивавшиеся как опасно влиятельные, но входившие в близкое окружение действительно могущественных политиков (ср. *Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. N.Y., 1970. P. 140*). Именно таков, судя по всему, случай с остракизмом Дамона (а возможно – также Менона). Однако здесь мы имеем дело уже с явным уклонением от изначальных целей института.

среде себе подобных, что воспринимался уже как опасность существующему политическому устройству (подчеркнем, каким бы ни было это устройство). Такая направленность является вообще одной из самых ярких специфических черт остракизма, и в этом антиковеды, занимавшиеся данной проблематикой, в подавляющем большинстве солидарны²³. Подобная точка зрения на остракизм, по нашему мнению, вполне верная, основывается на нарративной традиции, через которую идея о предназначенности этого института для «обезвреживания» опасно влиятельных политических деятелей проходит буквально красной нитью, оказывается основополагающей для описания феномена. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем это положение цитатами из античных авторов самых разных эпох.

Чуть раньше мы уже видели, что именно так воспринимался остракизм современниками, писателями, которые еще застали функционирование этой процедуры в Афинах (Платоном Комиком, Фукидидом, Андокидом). В IV в. до н.э. эта точка зрения продолжает дальнейшее развитие, а ее главным представителем является, бесспорно, Аристотель. В «Афинской политике» (22. 3) он говорит о том, что остракизм был введен из подозрения к влиятельным лицам (διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν), но наиболее подробно развешивает эту тему в указывавшихся выше пассажах «Политики». Деметрий Фалерский, выходец из перипатетической школы, фактически вторит своему учителю (FGrHist. 228. F43). Это как раз не удивительно; более важно то, что схожие мысли мы встречаем у Филохора, крупнейшего представителя аттидографической традиции, который говорит (FGrHist. 328. F30): μόνος δὲ Ὑπερβολὸς ἐκ τῶν ἀδόξων ἐξωστρακίσθη διὰ μοχθηρίαν τρόπων, οὐ δὲ ὑποψίαν τυραννίδος («из людей неизвестных один только Гипербол был изгнан посредством остракизма за нечестность своего образа действий, а не из подозрения в тиранических замыслах»). Таким образом, и у него, как у Фукидида и Платона Комика, Гипербол оказывается исключением из правила: незнатным политиком, изгнанным не из подозрения в стремлении к единоличной власти. Значит, обычно остракизму подвергали именно за это. Специально подчеркиваем это мнение Филохора, поскольку оно идет вразрез с тезисом Кини о противостоявших друг другу «аттидографической» и «перипатетической» традициях о целях введения остракизма. В действительности, как выясняется, самый информированный из аттидографов говорит о том же, о чем и перипатетики.

Авторы более позднего времени высказывают то же суждение об остракизме, в сущности, ни в чем не расходясь со своими предшественниками. Дидор (XI. 55. 3) говорит, что остракизм был введен для ослабления высокомерия выдающихся людей (ἵνα τὰ φρονήματα τῶν ὑπερεχόντων ταπεινότερα γένηται διὰ τὴν φυγὴν). Аналогичные суждения встречаем у него и в других местах (XI. 87. 2–4; XIX. 1. 3): остракизму подвергались «величайшие мужи» (τῶν μεγίστων ἀνδρῶν), «первенствующие граждане» (πρωτέοντας τῶν πολιτῶν). О наиболее информативном для нашей темы авторе римского времени – Плутархе – нечего и говорить: направленность остракизма против

²³ Например: *Valeton I.M.J.* Quaestiones Graecae. II. De ostracismo // *Mnemosyne*. 1887. 15. P. 163; *Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles // *Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock*. Auckland, 1970. P. 39 ff.; *Thomsen*. Op. cit. P. 51; *Christ M.R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43.5 // *CQ*. 1992. 42. 2. P. 338; *Vinogradov*. Op. cit. S. 385; *Brenne*. Ostrakismos... S. 17; *Строгоцкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 43.

сверх меры возвысившихся граждан – одна из излюбленных идей херонейского биографа, и почти не бывает такого случая, чтобы он заговорил о той или иной остракофории и не высказал бы (мимоходом или более подробно) эту идею. Приведем несколько характерных пассажей. Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уменьшить его авторитет и превосходство (κολούοντες τὸ ἄξιωμα καὶ τὴν ὑπεροχὴν – Plut. Them. 22), при этом, подчеркивает Плутарх, так поступали со всяким, кого считали слишком «тягостным» в силу его могущества. Перикл боялся остракизма, так как происходил из знатного рода, имел богатство и влиятельных друзей (Plut. Pericl. 7). Остракизмом всегда изгоняли граждан, выдающихся славой и влиянием (ἀεὶ τὸν προὔχοντα δόξῃ καὶ δυνάμει τῶν πολιτῶν ἐλαύνουσι – Plut. Alc. 13), люди же порочные и ничтожные вплоть до Гипербола никогда не становились его жертвами. Остракизм считался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества» (ὄγκου καὶ δυνάμεως βαρυτέρας ταπεινῶσις καὶ κόλουσις – Plut. Aristid. 7).

Тот же взгляд на остракизм господствует и в целом в эпоху «второй софистики»; он переходит далее в позднюю античность, а затем и к византийским авторам. Знаменитый ритор Элий Аристид говорит о том, что с помощью остракизма подвергали унижению чрезмерно влиятельных лиц (ἐκόλουον τοὺς ὑπερέχοντα – Aristid. XLVI. p. 242–243 Jebb = II. p. 316–317 Dindorf). Согласно Юлию Полидевку (VIII. 20), остракизмом изгоняли из-за зависти к чьей-либо доблести (δι' ἀρετῆς φθόνον). Евнапий (Vit. soph. XXI. 1. 6) уже прямо пишет, что «афиняне изгоняли остракизмом тех, кто превосходил других добродетелью» (Ἀθηναῖοι τοὺς κατ' ἀρετὴν ὑπερέχοντα ἐξωστράκιζον). Таким образом, чем дальше по времени от актуального функционирования института, тем категоричнее становятся суждения о нем.

Мнение о том, что с помощью остракизма предотвращали возрастание высокомерия и властности у чрезмерно влиятельных лиц, встречается и в позднеантичных и византийских лексиконах (Bekker Anecd. I. 285. 20 sqq.; Etym. Magn. s. v. ἐξωστράκισμός; Thom. Mag. p. 264 Ritschel)²⁴. Однако постепенно в этих памятниках появляется и альтернативное представление – о том, что остракизмом изгонялись противники демократии, лица, враждебные демосу, злоумышляющие против него (οἱ κακονούστατοι τῷ δήμῳ ἐξωστράκιζοντο). Эта идея имеет весьма позднее происхождение; она проявляется, во всяком случае, не раньше времени Гесихия (s. v. ὀστράκισμός). Ее затем повторяют патриарх Фотий (Lex. s. v. ὀστράκισμός), анонимный автор словаря «Суда» (s. v. ὀστράκισμός). Перед нами – явно не мнение, основанное на конкретных фактах, а чисто умозрительная идея авторов, весьма далеких хронологически от феномена, о котором они писали. К сожалению, эта идея находит отражение и в современной историографии, где подчас можно встретить указание на то, что остракизм являлся оружием борьбы демократии против ее врагов²⁵. Против подобного – довольно расхожего – мнения справедливо полемизируют Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев, отмечающие, что рассматриваемый институт, в сущности, направлялся не столько против сторонников олигархии или тирании, сколько в принципе против видных политиков, лидеров группировки

²⁴ В целом по поводу сведений об остракизме, сохранившихся в византийской традиции, см. Суриков И.Е. Долгая память о древнем институте (Сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137–143.

²⁵ Например: Jones J.W. The Law and Legal Theory of the Greeks. An Introduction. Oxf., 1956. P. 119–120; Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 401.

ровок самого различного характера, представлявших собой в глазах общественного мнения угрозу существующему порядку²⁶. Мы бы, впрочем, сформулировали ту же мысль чуть иначе: остракизм был направлен прежде всего против лиц, которые в силу своей влиятельности казались опасными для стабильности полиса, политической жизни в нем.

Невозможно отрицать, что страх установления тирании в очень многих случаях играл весьма важную, зачастую решающую роль при введении и применении процедуры остракизма. Судя по всему, отнюдь не случаен тот факт, что практически все полисы, в которых остракизм зафиксирован (нарративными или эпиграфическими данными), на каком-то этапе своей истории прошли через стадию тирании. Это можно сказать об Афинах, Сиракузах, Мегарах, Милете, Аргосе, Кирене²⁷. Закономерно, что Аристотель в «Политике» выдвигает неизбежную в определенных ситуациях полисной жизни дилемму: либо остракизм, либо монарх. Л. Холл в интересной работе, которую мы уже упоминали, оспаривает тезис о связи остракизма с угрозой тирании. В Афинах, замечает она, уже был суровый закон против тирании, по которому лицо, попытавшееся захватить единоличную власть (а также и весь его род) подвергалось атимии²⁸; зачем же тогда еще одна, как бы дублирующая, к тому же более мягкая мера? Однако здесь исследовательница совершает серьезную ошибку в интерпретации исторического факта. Закон против тирании в Афинах действительно существовал (*Arist. Ath. pol.* 16. 10, где он дословно цитируется), причем был, судя по всему, весьма древним, принятым еще в VII в. до н.э., возможно, в связи с мятежом Килона²⁹; во всяком случае, ко времени Солона он уже действовал (ср. *Plut. Sol.* 19). Но закон этот, естественно, мог быть применен только *post factum*, т.е. лишь после того, как попытка установить тиранию будет предпринята и подавлена. Нужно ли говорить, насколько опасным было такое положение вещей? Приходилось ждать, пока подозреваемый в амбициозных устремлениях гражданин обнаружит свои планы, подняв мятеж, а потом разгромить этот мятеж, а после этого еще схватить виновного и предать его суду... А если мятеж окажется успешным? Тогда, конечно, наказать претендента на тиранию, добившегося своей цели, не будет никакой возможности, и закон окажется мертвой буквой. Остракизм же, подчеркнем, призван был ликвидировать опасность тирании *ante factum*, т.е. имел, как уже говорилось выше, «профилактический» характер³⁰. Закон об остракизме и древний закон о тирании, таким образом, отнюдь не противоречили и не дублировали друг друга, а напротив, были взаимодополняющими; более того, закон об остракизме должен был, по идее, создать такую ситуацию, в которой вероятность применения более раннего закона становилась бы минимальной, поскольку потенциальный тиран обезвреживался бы заранее.

И тем не менее связь остракизма с угрозой тирании – это лишь часть истины. Не может не броситься в глаза, что многие из афинских остракофорий

²⁶ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 42.

²⁷ Анализ данных о внеафинском остракизме см. Суриков И.Е. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Nurelbogeu*. 2000. 6. 1. Р. 103–123.

²⁸ *Hall*. *Op. cit.* Р. 95. Имеется в виду атимия не в классическом понимании (лишение гражданских прав, чаще всего частичное и временное), а в архаическом (лишение защиты государства, объявление «вне закона», фактически – санкция на самосуд). Идею Холл некритически повторяет Ш. Бренне (*Brenne. Ostrakismos...* S. 25).

²⁹ См. *Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law* // *TAPhA*. 1981. 111. Р. 71–77.

³⁰ Ср. *Reinmuth O.W. Ostrakismos* // *Der Kleine Pauly. Lief. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376.*

У в. до н.э. необъяснимы с данной точки зрения. Такие политики, как, например, Аристид, Алкивиад Старший, Фукидид, сын Мелесия³¹, вряд ли когда-либо в своей жизни имели хоть малейшее намерение стать тиранами, да скорее всего, не вызывали ни у кого даже и подозрений в таких намерениях. Тем не менее все они стали жертвами остракизма. Создается впечатление, что зачастую полное неприятие и желание «осадить» вызывало у сограждан само по себе влиятельное положение того или иного политического лидера, его превосходство, высокий авторитет, безотносительно к опасности захвата этим лидером тиранической власти. Что же перед нами за феномен общественного сознания? Сами античные авторы определяли этот феномен как «зависть» (φθόρος), и именно завистью граждан к «чрезмерно» возвысившимся деятелям объясняли частое применение остракизма. Слова φθόρος, φθονέω и производные от них чрезвычайно часто встречаются в традиции в связи с остракизмом (например: Pind. Pyth. VII. 19; Diod. XI. 54. 5; Plut. Alc. 13; Aristid. 7; Nic. 11; Them. 22; Aristodem. FGrHist. 104. F1. 6; Poll. VIII. 20; Philostr. Vita Apoll. VII. 21; Eustath. ad Il. XIII. 689, III. p. 538 van der Valk). Категорию зависти вряд ли можно назвать научной, тем не менее и в современной историографии можно встретить рефлексы подобного рода суждений³².

Здесь нам предстоит выйти на проблему несколько более общего характера. Уже в античности сложилось твердое убеждение, что греки (чаще всего в данной связи речь идет об афинянах, поскольку история афинского полиса наиболее подробно освещена в источниках) в высшей степени подозрительно относились к своим политическим лидерам, за малейшую провинность, а то и без оной, подвергая их опале и преследованиям. Было популярно даже составлять своеобразные «мартирологи» жертв демоса, в которые, как правило, входили одни и те же хрестоматийные примеры: суд над Мильтиадом, обвинение Фемистокла в персидской измене, отстранение Перикла от должности стратега, самоубийство Пахета (полководца эпохи Пелопоннесской войны, не вынесшего нападок и заколовшегося прямо в судебном присутствии) и, конечно же, изгнание остракизмом ряда видных политиков (Аристида, Кимона и др.). Такого рода «мартирологи» вошли в моду, насколько можно судить, в IV в. до н.э., когда сократики, уязвленные казнью учителя, припоминали демократии всяческие ее «грехи». Следы данной традиции прослеживаются, в частности, у Платона (Gorg. 516d). Ко времени Плутарха она стала весьма распространенной (Plut. Aristid. 26), да и сам этот писатель внес вклад в ее развитие (например, Plut. Nic. 6). Списки лиц, пострадавших подобным образом, составляются и по сей день; один из недавних примеров – работа Р. Нокса³³, в которой производятся процентные подсчеты судеб афинских политических деятелей

³¹ Об остракизме Аристида см. *Raubitschek A.E. Die Rückkehr des Aristeides // Historia. 1959. 8. 1. S. 127–128; Piccirilli L. Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. Об остракизме Алкивиада Старшего: Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. 21. 1. P. 1–8. Об остракизме Фукидида, сына Мелесия: Andrewes A. The Opposition to Pericles // JHS. 1978. 98. P. 1–8; Krentz P. The Ostracism of Thoukydides, Son of Melesias // Historia. 1984. 33. 4. S. 499–504 (с неверной, на наш взгляд, датировкой); Hölkeskamp K.-J. Parteilungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydidēs, Sohn of Melesias // Historische Zeitschrift. 1998. 267. 1. S. 1–27.*

³² Например: *Ranulf. Op. cit. V. 1. Copenhagen, 1933. P. 132 ff.*: остракизм – продукт зависти.

³³ *Knox R.A. «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece and Rome. 1985. 32. 2. P. 132–161.* В отечественной историографии см. трактовку этой проблемы в работе: *Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.*

классической эпохи и делается неутешительный вывод о том, что судьбы эти в подавляющем большинстве случаев действительно были плачевны.

Сколь бы далеко ни уходить от эмоций, факт остается фактом: если взять, скажем, V в. до н.э., трудно, если не невозможно, оказывается найти политика крупного масштаба, который на том или ином этапе своей карьеры не оказался бы в роли жертвы сограждан, не подвергся бы каким-либо наказаниям, опале, гонениям. У. Рансимен, предпринимая сравнительный анализ древнегреческого и римского политического менталитета, делает остроумное замечание: греки изобрели остракизм, а римляне – триумф, и в этом, как в зеркале, отразилось отношение тех и других к собственным политическим лидерам, отношение, которое во многом обусловило конечную историческую судьбу греческого полисного и римского миров, способствовал поражению первого и победе второго³⁴. Объяснение же для описываемого им феномена Рансимен видит в следующих факторах: в идеологии греческого полиса, не только антимонархической, но и выраженной популистской, и в той же пресловутой «коллективной зависти» демоса к своим вождям.

Однако, если мы не хотим сбиться на утверждение, что греки были просто от природы патологически завистливы и это-де обусловило применение остракизма и прочие прискорбные эксцессы по отношению к политическим лидерам, необходим более внимательный и вдумчивый анализ проблемы. Прежде всего следует учитывать тот факт, что, хотя известные из источников остракофории относятся к V в. до н.э., сама «идея остракизма», насколько можно судить, появилась раньше – в архаическую эпоху, характеризовавшуюся в целом господством аристократических, а не демократических режимов³⁵. К этой эпохе нам и надлежит обратиться в попытке отыскать причины внедрения в политическую практику и в общественное сознание представлений о пользе и даже спасительности устранения влиятельных политиков.

Для политической жизни и – шире – для всего социокультурного бытия эллинского мира времени архаики были характерны два исключительно важных процесса. Один из них мы (конечно, с некоторой долей условности) назовем, следуя определению выдающегося российского исследователя, «рождением личности»³⁶, а второй, идя за другим крупнейшим отечественным антиковедом, «рождением греческого полиса»³⁷. На предыдущем хронологическом отрезке, т.е. в гомеровский период, оба указанных феномена находились еще в зачаточном состоянии. Так, героев Гомера, несмотря на всю мощь и яркость их проявлений, в сущности, нельзя еще назвать личностями в полном смысле слова. Дело в том, что не сложилось еще понятия о единстве внутренней духовной жизни индивида, душевные движения и порывы представлялись чем-то внешним, насланным богами³⁸. Гомеровского человека во всем

³⁴ *Runciman W.G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 366.*

³⁵ О происхождении остракизма (точнее, предшествовавших ему институтов, которые можно объединить под условным названием «протоостракизм») в архаическую эпоху нам уже приходилось писать. См. наиболее подробно: *Суриков. Остракизм и остраконы...; он же. Закон Клизфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. 1 (6). С. 14 слл.*

³⁶ *Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 101.*

³⁷ *Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.*

³⁸ *Snell B. The Discovery of the Mind. The Greek Origins of European Thought. N.Y., 1960. P. 31.* Б. Снелль отмечает также (*Ibid.* P. 6 ff.), что ко времени Гомера еще не сложилось и представление о телесном единстве человеческого организма: тело воспринималось не как нечто целостное, а как совокупность отдельных членов.

ведут боги, поэтому подчас он производит даже впечатление существа безответственного³⁹. Не иначе обстоит дело и с феноменом полиса. Хотя Ю.В. Андреев и называет гомеровское общество «раннегреческим полисом»⁴⁰, нам все же представляется более обоснованной точка зрения тех исследователей, которые говорят в данной связи не о полисе, а о *протополисе*⁴¹, т.е. тоже о структуре еще зачаточной, не сформировавшейся.

В архаическую же эпоху, в VIII–VI вв. до н.э., складывание обоих указанных феноменов шло полным ходом. Это породило одновременное существование двух тенденций в менталитете – индивидуалистической и коллективистской. Симптом первой из них – ярко выраженное стремление формирующейся личности заявить о себе в полный голос, проявиться на всех поприщах общественной жизни, желание во всем быть первым, что находило выход в прекрасно известной состязательности греческой цивилизации, в пресловутом «агональном духе», неоднократно и компетентно описанном в исследовательской литературе, в том числе в отечественной историографии – А.И. Зайцевым⁴². Этот агональный дух был заметен буквально во всех сферах, на всех уровнях социума: от войны до поэзии, от атлетики, бывшей уделом знати, до керамического производства, которым, естественно, занимались лица невысокого статуса. Следует специально подчеркнуть, что, когда мы говорим о рождающейся и заявляющей о себе личности, стремящейся к первенству, в рамках данной работы нас интересует прежде всего не творческая личность в области культуры (первые философы, первые скульпторы, первые лирические поэты и т.п.)⁴³, а личность политическая, в архаическую эпоху еще исключительно аристократическая по происхождению. Характерным проявлением личностного начала в политике стала, в частности, свершившаяся уже в начале этого хронологического отрезка почти повсеместно в Греции замена примитивных монархий во главе с басилеями на аристократические режимы, что немедленно повело к началу острой борьбы за власть между группировками, возглавлявшимися знатными лидерами, – в русле той же «агональной» тенденции. Эта борьба, ведшаяся в конечном счете между личностями, зачастую имела результатом многолетнее перманентное состояние *стасиса* в формирующихся полисах, а в наиболее развитых из их числа – торжество «сверхличности», т.е. тирана. Не приходится сомневаться в том, что феномен старшей тирании был порождением именно «личностной», «агональной» тенденции в политической жизни и политическом менталитете. Как справедливо пишет Ю.В. Андреев, «в тираническом государстве могущество и значимость отдельной, правда, одной-единственной личности намного превышали все допустимые, по греческим понятиям, нормы»⁴⁴. Тирания, таким образом, была отклонением, но отклонением вполне органичным и естественным, следствием одностороннего и чрезмерного развития одной тенденции в ущерб другой.

³⁹ К данной проблематике см. *Ярхо В.Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 3–26; *он же.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 1963. № 2. С. 46–64.

⁴⁰ *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.

⁴¹ *Фролов.* Рождение... С. 63 сл.; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 17 сл. Хорошо известно, что по большинству проблем раннегреческой истории Э.Д. Фролов и В.П. Яйленко выступают как антагонисты. Тем более характерно, что оба они принимают категорию «протополиса».

⁴² *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.

⁴³ Об этом аспекте см. *Snell.* Op. cit. P. 43–70.

⁴⁴ *Андреев.* Цена свободы... С. 142.

Что же касается этой второй тенденции, коллективистской, связанной со складыванием полиса, то она тоже очень ярко проявлялась в течение архаической эпохи, вызвав к жизни целый ряд процессов. Обязательно следует назвать, в частности, возникновение гоплитской фаланги. На смену индивидуальным «мономахиям» и «аристиям», описанным в «Илиаде», пришло согласованное действие на поле боя сплоченного коллектива воинов. Значение этого феномена, его влияние на все стороны полисной жизни и – шире – древнегреческой истории трудно переоценить. Фаланга стала исключительно эффективной формой военной организации, а впоследствии показала свое превосходство над любым древневосточным способом построения войск и во многом способствовала достижению Грецией того высочайшего места в мировой политике, которое она заняла уже в классическую эпоху. Не менее важной была роль фаланги и для внутренней жизни эллинских полисов. Вряд ли нужно лишним раз специально подчеркивать ту достаточно очевидную вещь, что «рождение полиса» и «рождение фаланги» являли собой два теснейшим образом взаимосвязанных процесса, влиявших друг на друга, и трудно даже судить, что в этой связке было первичным, а что – вторичным⁴⁵. Нам хотелось бы здесь лишь оттенить один нюанс, который обычно недостаточно принимают во внимание. Вопреки распространенному мнению, гоплиты и фаланга не явились порождением возрастания значения демоса. Впоследствии демос (точнее, его верхние слои, те, кто был способен приобрести паноплию) действительно воспользовался этим полезным новшеством. Но изначально, насколько можно судить, гоплитское вооружение предназначалось для аристократов и построение фалангой практиковалось именно ими⁴⁶. Это было проявление своего рода аристократического коллективизма – противовеса аристократическому же индивидуализму.

Коллективистская тенденция видна невооруженным глазом в различных сферах общественной жизни архаических полисов. Безусловно, необходимо сказать в данной связи о деятельности ранних номофетов и об издании первых в греческом мире сводов законов⁴⁷, которые вводили некие единые, обязательные для всех нормы поведения в рамках гражданского коллектива. Кстати, и эти законы вводились отнюдь не «под натиском демоса», как иногда полагают⁴⁸ (демос в VII–VI вв. до н.э. еще не играл значительной политической роли, к тому же его представители в массе своей тогда еще, безусловно, были неграмотными и вряд ли могли получить какую-то непосредственную пользу от появления письменных законодательных кодексов), а скорее для урегулирования межаристократических отношений, для предотвращения вспышек стасиса между знатными вождями⁴⁹. И здесь, таким образом, описываемая коллективистская тенденция противостояла индивидуалистической.

⁴⁵ Об историческом значении формирования гоплитской фаланги см. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115 слл.

⁴⁶ Ср. важные замечания по этому сюжету в работе: *Нефедкин А.К.* Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.

⁴⁷ Об этих сводах см. *Gehrke H.J.* Der Nomosbegriff der Polis // *Nomos und Gesetz. Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens.* Göttingen, 1995. S. 14 ff.

⁴⁸ Например: *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 56–57. Ср. также *Фролов.* Рождение... С. 131.

⁴⁹ Ср. *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // *Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders.* Berkeley, 1986. P. 262–300; *Humphreys S.C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1991. S. 17–45; *Суриков И.Е.* Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // *Древнее право.* 2000. 2 (7). С. 12.

Таким образом, две тенденции, о которых идет речь, были не только взаимодополняющими, но и антагонистическими, находясь в диалектическом противоборстве. Такого рода «единство и борьба противоположностей» во многом обусловили появление самого «греческого чуда», складывание классической полисной цивилизации, полисной системы ценностей⁵⁰. Лишь в очень редких, можно сказать, единичных случаях одной из тенденций удавалось взять верх над другой, достигнуть решительного преобладания. Такие случаи являлись, безусловно, отклонениями от нормы, некими полюсами возможно. Один из этих полюсов прекрасно известен и даже хрестоматиен. Мы говорим о Спарте, где полностью возобладала коллективистская тенденция в ущерб индивидуалистической. В результате спартанский полис на протяжении длительного хронологического отрезка, вплоть до кризиса IV в. до н.э., являл собой образец редкостной стабильности внутри гражданского коллектива. Насколько можно судить, именно эта стабильность в первую очередь и делала Спарту предметом обожания и зависти со стороны политических теоретиков, живших и действовавших в других греческих полисах и постоянно воочию наблюдавших все «прелести» внутривнутриполитических распрей. Однако стабильность, как известно, досталась Спарте весьма дорогой ценой: путем практически полного подавления личностного начала⁵¹, что в конечном счете имело свои важные негативные последствия – «окаменение» полисных структур, отказ от любого прогресса. Была ли Спарта каким-то странным исключением, уродливым наростом на теле греческой цивилизации, или же в ней, напротив, следует видеть наиболее полное и законченное воплощение «идеи полиса»? И та, и другая точка зрения высказывалась, но, если уйти от крайностей, весьма верным представляется суждение глубокого знатока спартанского «космоса» Ю.В. Андреева: «В своей основе это государство было воплощением неких глубинных тенденций, заложенных в самой природе греческого полиса. В Спарте эти тенденции были лишь доведены до своего крайнего выражения...»⁵². Если говорить чуть более конкретно, в Спарте мы находим доведенное до *plus ultra* проявление одной из двух вышеупомянутых тенденций, сформировавшихся в архаическую эпоху, а именно тенденции коллективистской (и в этом смысле, кстати, в известной мере тоталитарной).

Противоположный полюс, пример торжества другой тенденции, индивидуалистической, порождавшей стасис и тиранию, тоже можно указать в греческом мире. Это полисы Сицилии и в первую очередь Сиракузы, об истории которых источники дают возможность говорить достаточно детально. В течение многих веков, вплоть до римского завоевания в конце III в. до н.э., эта история шла по одному и тому же заколдованному кругу: стасис – тирания – стасис – олигархия или демократия – стасис – тирания – стасис... Создается впечатление, что единственным действительно стабильным фактором в сиракузской истории была перманентная нестабильность. Политическая жизнь протекала в рамках какой-то постоянной смены одних и тех же картинок в ка-

⁵⁰ Ср.: *Starr Ch.G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962. P. 300 ff.*

⁵¹ Конечно, и в спартанской политической жизни периодически появлялись яркие личности. Однако характерно, что деятельность этих личностей (Клеомена I, регента Павсания, позже – Лисандра) на каком-то этапе, как правило, становилась всецело деструктивной, направленной на слом устоявшейся в Спарте полисной структуры, во всяком случае, на серьезные изменения в ней. Яркая личность и спартанский полис *как он есть* были явлениями, в общем, несовместимыми.

⁵² *Андреев. Цена свободы... С. 151.*

лейдоскопе, уподобляясь живой иллюстрации к теориям греческих мыслителей о «круговороте» форм государственного устройства. Не случайно в связи со сказанным о преобладании индивидуалистической тенденции на Сицилии, что тамошние тираны достигли, пожалуй, наибольшей славы и власти среди всех своих коллег в греческом мире; похоже даже, что некоторые из этих правителей уже в классическую эпоху официально принимали царский титул⁵³.

Итак, Спарту и Сиракузы, как мы сказали, можно считать в рассматриваемом здесь отношении двумя противолежащими друг другу «полюсами»⁵⁴. Характерно, что «идея остракизма» ни в одном из этих двух государств не прижилась. Сиракузяне пытались в середине V в. до н.э. под афинским влиянием ввести остракизм (петализм), но там этот институт вызвал отторжение и очень скоро был отменен (Diod. XI. 87. 6). Получается, им легче было переносить стасис, чем остракизм – ущемление статуса личности, – и в этом тоже заметны сильно развитые индивидуалистические начала. В Спарте же в остракизме, в общем-то, не было нужды: существовали более эффективные средства борьбы с возвышением влиятельных индивидов. Главным из таких средств был эфорский надзор над царями (поскольку реальная угроза установления тирании в Спарте если от кого-то и могла исходить, то только от представителей царских родов⁵⁵). Как известно, эфоры своим решением могли даже отстранить чрезмерно «возвысившегося» царя от власти. Это, между прочим, тоже можно назвать одной из форм «протоостракизма», хотя, конечно, формой весьма специфической.

Весь же остальной греческий мир располагался между двумя описанными «полюсами». В типовом полисе индивидуалистическая и коллективистская тенденции сосуществовали, и соответственно периоды стабильности и стасиса чередовались, сменяя друг друга. Естественно, именно стабильность, «евномия» была желательным состоянием; стасис стремились предотвращать, используя для этого различные средства. Одним из таких средств было, в частности, колонизационное движение. Исследователи, изучающие Великую колонизацию архаической эпохи, чаще всего делают акцент на ее экономические факторы (стенохория и земельный голод как следствие демографического взрыва, поиск сырьевых баз, желание утвердиться на торговых путях и т.п.), но не всегда уделяют должное внимание факторам политическим. Между тем последние, как нам представляется, играли далеко не ничтожную роль. Сплошь и рядом непосредственным поводом выведения колонии являлись перипетии борьбы за власть в полисе. Группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», уходила в апойкию, а ее лидер становился ойкистом, таким образом достигая на новом месте того высокого положения, в котором ему было отказано на родине⁵⁶. Впрочем, колонизация, естественно, не могла стать панаце-

⁵³ Oost S.I. The Tyrant Kings of Syracuse // CPh. 1976. 71. 3. P. 225–236.

⁵⁴ Кстати, характерно опять же диалектическое сближение противоположностей. В Спарте находим «подмороженную», окостеневшую политическую структуру и, как следствие, отсутствие движения вперед; в Сиракузах же – некий политический «циклизм», видимость бурной активности, но при этом, в сущности, вращение на одном месте, и в результате – тоже отсутствие движения вперед.

⁵⁵ Спартанские цари вообще занимали в полисе особое положение, не вполне вписываясь в «ликургов строй». См. в недавней работе: Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152 ff.

⁵⁶ О роли политических лидеров в колонизационном движении см. Starr. Op. cit. P. 328; Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966. С. 236.

ей, да и в целом являлась вариантом, возможным отнюдь не для любого полиса. Для того, чтобы колонизационное мероприятие осуществилось, была необходима либо совокупность не только политических, но и экономических предпосылок (группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых граждан, заинтересованных в переселении), либо ситуация должна была быть крайне острой, не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине (например, если в ходе борьбы одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось не часто).

Порой стабильности в полисе удавалось достичь иным способом – установлением умеренной олигархии, в рамках которой члены аристократической элиты, отказавшись от части своих притязаний, находили друг с другом некий *modus vivendi*, а демос, не подвергающийся чрезмерной эксплуатации, был в общем удовлетворен своим положением и не стремился к большему. Именно таков случай Коринфа, где в первой половине VI в. до н.э., после ликвидации тирании Кипселидов, возникло подобного рода олигархическое правление (кстати, отнюдь не входившее в противоречие с высоким экономическим развитием этого города). Коринфская олигархия оказалась весьма стабильной, и, насколько можно судить, случаи стасиса в Коринфе стали крайне редкими. Наиболее известный из них относится уже к IV в., т.е. к эпохе кризиса классического полиса: аристократ Тимофан пытался захватить тираническую власть, но был убит по инициативе своего собственного брата – знаменитого «тираноборца» Тимолеонта, впоследствии столь прославившегося на Сицилии⁵⁷.

Прочности и стабильности олигархии, правившей Коринфом, вне сомнения, способствовало то обстоятельство, что вся коринфская высшая знать по сути дела представляла собой один огромный, чрезвычайно разросшийся клан Бакхиадов. Аристократам, ощущавшим себя родственниками (пусть и дальними), было, конечно, легче найти общий язык⁵⁸. Далекое не везде, однако, дело обстояло таким же образом. Так, в Афинах аристократическое правление, установившееся в начале архаической эпохи, не вылилось в господство одного знатного рода, а изначально приобрело форму соперничества различных группировок. Кстати, ситуация в Аттике (а именно этот регион греческого мира, естественно, больше всего интересует нас в связи с остракизмом) осложнялась тем, что, как известно, еще на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанной дорийцами⁵⁹. Иммигранты практически сразу заняли в Афинах весьма влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия – Медонтиды (Кодриды), а также столь известные аристократические роды, как Писистратиды,

⁵⁷ Схожим образом развивались события в соседних с Коринфом Мегарах. Там тоже после длительного периода стасиса к середине VI в. до н.э. прочно установилась умеренная олигархия, что принесло мегарскому полису долговременную стабильность. См. *Legon R.P.* Megara. *The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca, 1981. P. 136 ff.

⁵⁸ Характерно, что Кипсел, ставший в VII в. до н.э. коринфским тираном, был изгоем из этой аристократической среды: к Бакхиадам принадлежала лишь его мать (а не отец), да и от нее отказались собственные родственники. См. *Herod.* V. 92.

⁵⁹ Ср. *Молчанов А.А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 186, где Аттика образно названа «заповедником беглой ахейской знати».

Филаиды, Алкмеониды⁶⁰. Наличие большого числа «чужаков» в рядах аристократии, и без того отнюдь не сплоченных, делала политическую борьбу только более острой, а соперничество – более болезненным. Понятно, что, например, лидер группировки педиеев в первой половине VI в. до н.э. Ликург из рода Этеобутадов, возводивший свою родословную к первым афинским царям-«автохтонам» (ср. Apollod. Bibl. III. 14. 8), не мог с иным чувством, кроме как с глубокой неприязнью, наблюдать за тем, как рвется к власти «высочка» Писистрат, чьи предки жили в Аттике «всего лишь» каких-нибудь полтысячелетия⁶¹.

Подобного рода специфические условия и стали питательной почвой для возникновения идеи остракизма как «профилактического» изгнания, а фактически – приспособления древнего ритуала катартического характера к нуждам политической жизни. Следует подчеркнуть, что практически каждый аристократ (во всяком случае, если говорить о самом верхнем, действительно правящем слое) вполне готов был видеть в себе самом потенциального тирана, но в то же время, естественно, отказывал в таком же моральном праве всем своим собратьям по сословию. Среди афинской знати, насколько можно судить, почти не было принципиальных противников тирании как таковой, тем более что, как убедительно показал И.А. Макаров, сам феномен старшей тирании и по социальным корням, и по своей идеологии был чисто аристократическим⁶². Однако, с другой стороны, в живой реальности эпохи каждый знатный лидер противился установлению тирании – постольку, поскольку он не мог позволить, чтобы тираном стал *кто-то другой*. Архаическое общество аристократов было обществом «равных», своеобразных «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Собственно, именно поэтому они и покончили с властью гомеровских басилеев. Отсюда – своеобразный аристократический «республиканизм»⁶³, который, безусловно, внес свой вклад в формирование полисных структур. Одной из манифестаций этого «республиканизма» и должно было стать появление ранних форм остракизма, к которым еще отнюдь не привлекались массы демоса. Аристократы – пока исключительно в своей среде, в укомплектованных ими органах управления (Советах и т.п.) – решали, кто из представителей их сословия стал слишком опасен для других и должен быть заблаговременно (именно заблаговременно, поскольку иначе могло стать уже поздно) удален.

⁶⁰ Об ахейских беженцах, вошедших в состав аттической знати, см. общие работы по афинской генеалогии, довольно давние, но не утратившие своего значения: *Petersen J.C.W.* Quaestiones de historia gentium atticarum. Kiel, 1880; *Toepffer J.* Attische Genealogie. В., 1889, а также *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1950. P. 93; *Arnheim M.T.W.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 42–51; *Shapiro H.A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96; *Колобова К.М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41–55; *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122–130.

⁶¹ Характерно, что Писистрат, случалось, вступал в альянс с другим своим видным соперником – Мегаклом из рода Алкмеонидов, тоже потомком иммигрантов из Пилоса, но ни о каких соглашениях Писистрата с Ликургом источники не сообщают. Очевидно, такие соглашения были просто невозможны.

⁶² *Макаров И.А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–42. Значительно более уязвимой представляется концепция, выдвинутая недавно Х. Тумансом, согласно которой для архаической тирании была характерна монархическая идеология, ориентация на «модель древней царской власти». См. *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12–45.

⁶³ Об этом феномене см. *Greenhalgh P.A.L.* Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // *Greece and Rome*. 1972. 19. 2. P. 190–207.

Итак, остракизм (точнее, «протоостракизм») возник в архаическую эпоху на стыке индивидуалистической и коллективистской тенденций политической жизни, в их взаимном противоборстве. Отсюда – его заостренная направленность против конкретных *личностей* из слоя аристократической элиты, а не против каких-либо политических программ. А затем, в конце VI в. до н.э., в ходе реформ Клисфена остракизм был передан в ведение народного собрания, стал прерогативой демоса, который, таким образом, крепко взял в свои руки древний аристократический институт (именно так демос поступал и с многими другими аристократическими по происхождению институтами, упоминавшимися выше, – с голлитской фалангой, кодексами законов)⁶⁴. К этой новой стадии истории исследуемой процедуры, к классическому остракизму, к причинам и целям его учреждения в Афинах нам теперь и предстоит перейти.

Нам уже приходилось писать⁶⁵, что закон об остракизме, вопреки сообщениям ряда античных авторов (в том числе Androt. FGrHist. 324. F6; Arist. Ath. pol. 22. 4), был принят в Афинах, скорее всего, в перипетиях борьбы Клисфена не с Гиппархом, сыном Харма (о такой борьбе ничего конкретного не известно, и позволительно усомниться в самом ее факте), а с несравненно более опасным для него в ту пору Исагором⁶⁶. Здесь для нас, однако, более важен не этот конкретный факт, а общий контекст закона об остракизме. Время, о котором идет речь, – первые годы после окончания достаточно длительной тирании Писистратидов. Именно с точки зрения прошедших, а не будущих событий следует, по нашему мнению, смотреть на причины и цели введения классической формы остракизма. По какому пути пойдут Афины – этого никто из живших тогда людей предсказать, конечно, не мог. Даже сам Клисфен, осуществляя свои эпохальные реформы, вряд ли имел какую-то развернутую теоретическую программу демократических преобразований; он действовал, исходя из конкретных обстоятельств. Никто, повторим, не мог знать, что скоро Афины станут самой развитой, мощной и знаменитой в греческом мире демократией и что институт остракизма будет играть значительную роль в политической системе этой демократии, выполняя те или иные конкретные функции. Все знали лишь одно: только что свергнуты тираны, и при этом отнюдь не ликвидирована опасность восстановления тиранического правления. В этом контексте и надлежит рассматривать закон об остракизме, а не телеологически, не с точки зрения тех функций, которые этот институт имел впоследствии.

⁶⁴ Следует подчеркнуть один чрезвычайно важный момент. Специфика афинской (и вообще античной) демократии заключалась, помимо прочего, именно в том, что демос переносил на себя аристократические институты. Если, скажем, Великая французская революция лишила аристократию всех ее привилегий, то «афинская революция» – выражение Дж. Обера (*Ober J. The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999*) – оставила эти привилегии в силе, но распространила их на всю массу граждан. В первом случае высшие слои опускаются до уровня низших, а во втором – низшие поднимаются до уровня высших. Афинский демос не ликвидировал аристократию, а сам во всей своей совокупности как бы стал аристократией. Нам поэтому кажется очень удачным определение афинского государственного устройства классической эпохи (во всяком случае V в. до н.э.) как «аристократической демократии». См. *Roberts J.T. Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. 64. 3/4. P. 355–369.*

⁶⁵ Суриков. Политическая борьба... С. 121.

⁶⁶ Ср. *Stanton G.R. The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. 90. P. 180–183; Knight D.W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13 ff.; Thomsen. Op. cit. P. 141; Phillips D.J. Athenian Ostracism // Hellenika. Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 24; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 150.*

Два события – ликвидация тирании и принятие закона об остракизме – несомненно близки друг к другу не только хронологически, но имеют и прямую причинно-следственную связь. Схожим образом обстояло дело не только в Афинах. Известно, что сиракузский петализм был введен вскоре после свержения тирании Дейноменидов. Ранее мы уже пытались показать, что аналогичная последовательность событий имела место в Кирене, Эфесе⁶⁷. Афинский случай, таким образом, укладывается в определенную общую закономерность.

Р. Томсен, который наиболее углубленно изучал введение Клисфеном остракизма, предлагает несколько альтернативных вариантов ответа на вопрос о целях этой меры (все эти варианты ранее высказывались другими исследователями): Клисфен либо желал таким образом избавиться от Исагора, либо хотел отгородить самого себя от подозрений в стремлении к тирании, либо намеревался предотвратить возможность возникновения новых стасисов в дальнейшем⁶⁸. Датский антиковед сам не решается сделать выбор между этими альтернативами, предоставляя сделать это читателям. Однако нужно ли обязательно делать выбор? Перечисленные моменты ни в коей мере не противоречат друг другу; скорее их можно назвать взаимодополняющими. С одной стороны, борьба с политическими противниками (в данном случае с Исагором) несомненно могла побудить реформатора прибегнуть к изданию соответствующего закона. С другой стороны, и самому Клисфену было из-за чего опасаться неприязни сограждан: его политическое прошлое отнюдь не было безупречным. При тиранах он даже занимал пост архонта-эпонима (в 525/524 г. до н.э.)⁶⁹, да и в целом обвинения в намерении незаконно захватить власть, которые он предъявлял своим конкурентам, могли быть легко обращены против него самого. В подобной ситуации вынос Клисфеном на одобрение экклесии законопроекта об остракизме призван был продемонстрировать всем, что он отнюдь не вынашивает планов установления тирании, более того, дистанцируется от таких планов и открыто противостоит им. Наконец, соображения более общего характера также вполне могли сыграть свою роль во введении клисфеновского остракизма. «Отец афинской демократии» несомненно был заинтересован в том, чтобы учреждаемое им политическое устройство оказалось стабильным, чтобы существовал некий надежный конституционный механизм, предотвращающий раскол гражданского коллектива в результате борьбы за власть, снижающий возможность новых вспышек стасиса. Остракизм, как мера по своей природе «профилактическая», в высшей степени подходил для данной цели⁷⁰.

Кроме того, перенося остракофорию из ведения Совета в ведение экклесии, т.е. делая их прерогативой демоса, Клисфен несомненно привлекал к активному участию в политической жизни широкие слои афинского гражданства. И впоследствии остракизм всегда оставался одним из наиболее популярных с точки зрения посещаемости политических мероприятий. А постольку, поскольку остракизм был направлен в первую очередь против потенциальных тиранов (во всяком случае, изначально и теоретически; впоследствии его функции значительно расширились и довольно далеко отошли от первичных

⁶⁷ Суриков. Остракизм и остраконы... С. 109.

⁶⁸ Thomsen. Op. cit. P. 141.

⁶⁹ См. Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 41–42, 154–155 (с указаниями на предшествующую литературу по вопросу).

⁷⁰ Ср. Kagan. Op. cit. P. 401; Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. 25). Princeton, 1990. P. 5.

задач, о чем нам еще предстоит говорить), он задавал демосу достаточно четкую антитираническую парадигму. Это принципиально. Дело в том, что ранее афинский демос, в отличие от аристократов, не испытывал однозначного отторжения от тирании. В течение всего времени пребывания Писистратидов у власти они, насколько можно судить, ни разу не столкнулись с каким-либо протестом со стороны низших и даже средних слоев граждан. Аттические крестьяне вообще прямо-таки боготворили, по крайней мере, Писистрата (об их отношении к Гиппию сведений не сохранилось, но вряд ли оно было противоположным). Вокруг фигуры первого афинского тирана сложился целый ряд в высшей степени благожелательных анекдотов – о его встрече с крестьянином (Arist. Ath. pol. 16. 6), о явке его на суд Ареопага (Arist. Ath. pol. 16. 9) и т.п. Впоследствии, как известно, крестьяне с ностальгией вспоминали годы правления Писистрата как золотой век, «жизнь при Кроне» (Arist. Ath. pol. 16. 7). Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в нем этакое «доброе царя», защищающего простой народ от произвола знати. Отнюдь не случайно, что в конечном счете тирания в Афинах была свергнута только благодаря внешнему вмешательству; если бы не Спарта, народного движения против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать еще очень и очень долго⁷¹.

Вся оппозиция афинским тиранам, все выступления против них исходили только от аристократических родов. Не был исключением и знаменитый заговор Гармония и Аристокитона. И вызывает сильные сомнения, что демос в массе своей хоть как-то поддерживал эти выступления. К аристократии он относился достаточно настороженно, во всяком случае не ощущал общности с ней. Это показывает, в частности, выбор, сделанный рядовым гражданством во время борьбы Клисфена и Исагора. Исагор был не менее активным участником ликвидации тирании Писистратидов, нежели Клисфен (Herod. V. 70). Однако к нему демос, как показали события 508–507 гг. до н.э., испытывал ярко выраженную антипатию. Очевидно, его рассматривали как представителя аристократии, желающей воспользоваться концом власти Гиппия в своих корыстных целях. Фактически Клисфена поддерживали против Исагора и спартанцев те самые слои, которые еще совсем недавно составляли социальную основу Писистратидов. Возьмем на себя смелость утверждать, что если бы глава Алкмеонидов пожелал в этот период установить собственную тиранию, он вряд ли встретил бы сколько-нибудь массовое сопротивление. Но Клисфен не пошел по этому пути; напротив того, он принял все зависевшие от него меры, чтобы тиранический режим в Афинах больше не возродился. И в этом, кстати говоря, один из показателей величия его как государственного деятеля. «Отец афинской демократии» оказался в данном отношении прямым последователем Солона, который в свое время «тирании власть суровую не взял» (Sol. fr. 23 Diehl), несмотря на то что сподвижники толкали его к этому⁷².

Во всяком случае, хотел того Клисфен или не хотел, но, начиная с его реформ, остракизм стал мощным средством контроля демоса над аристократией⁷³. Ранее, в доклизфеновское время, с помощью подобной меры контролировали друг друга сами аристократы, препятствуя чрезмерному возвыше-

⁷¹ Ср. *Строгецкий В.М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. № 2. С. 99; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, с. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 61.

⁷² Ср. *Goušchin V.* Pisistratus' Leadership in A.P. 13. 4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // CQ. 1999. 49. 1. P. 19.

⁷³ Ср. *Phillips.* Op. cit. P. 21; *Siewert.* Accuse... P. 13.

нию одних представителей политической элиты над другими, демос же по большей части был более или менее пассивным наблюдателем этих процессов. Отныне же именно на весь гражданский коллектив была возложена конституционная защита существующего государственного устройства, борьба с опасностью возрождения тирании. Все это вело, безусловно, к изменению отношений между демосом и аристократией, хотя изменению, конечно, не одномоментному, а постепенному. Изначально новая роль явно была непривычной для рядовых граждан. В этом, судя по всему, одна из причин того, что остракизм в эkkлeсии не применялся почти два десятилетия (до 487 г. до н.э., когда жертвой остракофории стал Гиппарх, сын Харма): народ некоторое время просто не мог освоиться с тем, что в его руках находится столь сильное оружие, что теперь он властен над судьбой своих знатных лидеров. Потребовалось Марафонское сражение, выигранное только совокупными усилиями всего полиса, чтобы на смену этой «кротости» (πρῶτης) демоса, о которой говорит Аристотель (Ath. pol. 22. 4), пришла более решительная позиция, чтобы с аристократии оказался снятым ниб неприкосновенности. Да и отношение народа к тираническому режиму коренным образом изменилось: слово «тирания» стало настоящим жупелом, каковым ранее оно не было⁷⁴. Демос воистину начинал чувствовать ответственность за политику, которая отныне действительно лежала на нем.

Высказывалось, правда, мнение, что остракизм изначально вообще не имел ничего общего с угрозой тирании, а введен был против персофилов, лиц, подозреваемых в так называемом «мидизме»⁷⁵. Ошибочность этой точки зрения заключается в том, что она смешивает два разных аспекта – причины и цели введения клисфеновского остракизма и причины и цели конкретных остракофорий 480-х годов до н.э. В этих последних обвинения в «мидизме» действительно играли весьма важную роль⁷⁶, но это могло случиться, естественно, только после начала греко-персидских войн. А в 500-х годах, когда остракизм вводился, отношения между Афинами и Персией еще отнюдь не были враждебными. Приверженность персидскому образу жизни, даже персидскому стилю в одежде была достаточно распространенной в аристократических кругах⁷⁷. Позже, конечно, подобная приверженность стала чем-то крайне предосудительным и даже инкриминируемым, но это было тогда, когда остракизмом уже начали пользоваться не по его изначальному назначению, а в интересах политической борьбы (σπασσοστικῶς, по выражению Аристотеля, Pol. 1284b22), когда остракизм, задумывавшийся как средство предотвращения стасиса, стал одним из способов ведения стасиса.

Следует отметить в связи с целями остракизма еще один нюанс, на который обратил внимание С.Г. Карпюк⁷⁸. Введение остракизма в его «классической» форме означало в известной степени внесение «правил игры» в политическую борьбу. Невозможно не согласиться с тем, что остракизм, в сущности, был весьма мягкой и гуманной мерой⁷⁹. Он предусматривал лишь

⁷⁴ Этот процесс изменения отношения к тирании Писистратидов удачно прослежен в работе: Lavelle. Op. cit. Passim.

⁷⁵ Schreiner. Op. cit. P. 84.

⁷⁶ См. Суриков. Политическая борьба... С. 129.

⁷⁷ Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 195–200.

⁷⁸ Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 24.

⁷⁹ Ср.: Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1991. P. 170.

временное изгнание, причем без конфискации имущества, без последующего ущемления в политических правах и, что немаловажно, без каких-либо преследований семьи и родственников изгнанного. На общегреческом фоне (да и на фоне любого другого древнего общества), где зачастую царили самые жестокие методы расправы с политическими противниками, остракизм выглядит, как ни парадоксально, даже каким-то светлым явлением. Это необходимо учитывать, давая общую оценку исследуемому институту: он был мерой, не ожесточавшей, а, напротив, смягчавшей нравы в общественной жизни.

Итак, подведем предварительные итоги, очертим основные выводы, к которым мы на данном этапе пришли, разбирая вопрос о целях введения остракизма и тех функциях, которые этот институт первоначально нес. Идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса – индивидуалистической и коллективистской. Ранние формы остракизма («протоостракизм») являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию. После принятия в конце VI в. до н.э. закона Клисфена об остракизме данная процедура стала прерогативой народного собрания, т.е. перешла из рук аристократии в руки всего гражданского коллектива. Демос, переняв аристократический по происхождению институт остракизма, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве.

Однако такого рода ситуация сохранялась далеко не всегда. Если демос в целом в течение какого-то времени продолжал воспринимать остракизм как меру, направленную против «чрезмерно» усилившихся политиков, контролирующую и держащую в необходимых рамках их положение в полисе, то сами члены властной элиты, аристократические лидеры, конкурировавшие друг с другом за влияние в государстве, по справедливому замечанию ряда антиковедов⁸⁰, уже очень скоро стали пользоваться остракизмом как инструментом политической борьбы. Судя по всему, именно это изменение функций остракизма, отклонение его от первоначального предназначения имеет в виду Аристотель (Pol. 1284b20), когда проницательно замечает: οὐ γὰρ ἔβλεπον πρὸς τὸ τῆς πολιτείας τῆς οἰκείας συμφέρον, ἀλλὰ στασιαστικῶς (sic!) ἐχρῶντο τοῖς ὀστρακισμοῖς⁸¹. Повторим и подчеркнем мысль, которая представляется нам принципиальной: остракизм, задумывавшийся как средство *предотвращения* стасиса, стал одним из способов *ведения* стасиса, во всяком случае в глазах политиков. Остракофория превратилась в поле, на котором развертывалась деятельность конкурирующих гетерий⁸². Насколько можно судить, начало этому положил Фемистокл, на протяжении 480-х годов до н.э. чрезвычайно активно прибегавший к остракизму именно для дискредитации и

⁸⁰ *Строгоцкий*. Полис и империя... С. 42–43; *Jones*. Op. cit. P. 119–120; *Guarducci M.* Epigrafia greca. Roma, 1969. V. 2. P. 524; *Mossé C.* De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 17; *eadem.* La démocratie grecque. P., 1986. P. 147; *eadem.* Dictionnaire... P. 359; *Sinclair*. Op. cit. P. 170.

⁸¹ Данный пассаж следует признать труднопереводимым – именно ввиду наличия в нем наречия στασιαστικῶς. Перевод С.А. Жебелева («Прибегая к остракизму, они имели в виду не выгоду для соответствующего государственного устройства, а преследовали при этом выгоду для своей партии») в целом приемлем, но мы исключили бы из него упоминание о «партиях» и конец фразы перевели бы так: «...а преследовали при этом интересы политической борьбы».

⁸² *Calhoun*. Op. cit. P. 136.

удаления своих политических конкурентов; впрочем, впоследствии аналогичный удар был нанесен и по нему самому.

Демос со временем тоже воспринял новое положение вещей. Причем случилось это достаточно скоро, что можно проиллюстрировать несколькими примерами. Остракизм Фемистокла, имевший место в конце 470-х годов до н.э., уже явно нельзя расценивать как меру борьбы против слишком могущественного лидера, имеющего амбиции захватить единоличную власть. К указанному хронологическому рубежу пик влияния Фемистокла был уже далеко в прошлом. Если когда-либо от него и могла исходить угроза тирании, то это было в 480-х годах, но ведь как раз тогда-то его остракизму и не подвергли. Еще более показательна в данном отношении остракофория 444 г. до н.э. На ней граждане должны были сделать выбор между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия. Если исходить из идеи о первоначальном назначении остракизма как «профилактического» средства против тирании, то изгнанным должен был быть, безусловно, Перикл: ведь он, а не кто-либо другой, мог в то время считаться наиболее влиятельным политиком (и действительно, после остракофории он едва ли не монополизировал властные рычаги в полисе и был ближе, чем кто-либо до него в истории демократических Афин, к статусу тирана), а Фукидид был фигурой значительно меньшего масштаба. Тем не менее остракизму подвергся именно этот последний, хотя вряд ли кому-нибудь могло даже в голову прийти, что он когда-либо пожелает или сможет захватить тираническую власть.

Итак, в условиях эволюции демократического афинского полиса V в. до н.э. функции остракизма изменились. Представители аристократической элиты стали рассматривать его как орудие в борьбе за власть, средство избавиться от наиболее серьезных конкурентов, удаляя их из полиса⁸³. Соответственно и демос, гражданский коллектив, стал видеть в остракизме не только профилактику тирании (не столь уж и велика была опасность тирании в Афинах V в. до н.э., во всяком случае, меньше, чем когда-либо в их истории⁸⁴) и даже не только способ контроля над аристократами, а едва ли не в первую очередь процедуру, с помощью которой можно было сделать выбор между конкурирующими политическими лидерами и между политическими линиями, которые они выражали. Эта мысль уже высказывалась в историографии⁸⁵, и нам лишь хотелось бы дополнить ее двумя нюансами. Во-первых, речь идет прежде всего о выборе между линиями в области внешней политики. Этот фактор вообще был одним из наиболее важных в борьбе группировок, протекавшей в Афинах. Во-вторых, чаще всего на остракофории афиняне оказывались в ситуации выбора между *двумя* политическими лидерами. Это не было как-то закреплено официально. Никаких формальных «кандидатов» на остракизм заранее не выдвигалось⁸⁶, и надпи-

⁸³ Ср. *Reinmuth*. Op. cit. Sp. 376; *Camp J.M.* The Athenian Agora. Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986. P. 57.

⁸⁴ Следует отметить, что V в. до н.э. в масштабах не только Афин, но и всего греческого мира был периодом, если так можно выразиться, в наибольшей степени «чуждым» тирании. Старшая тирания, сопутствовавшая формированию полисных структур, отошла в прошлое, а младшая, ставшая симптомом кризиса классического полиса, еще не появилась на свет.

⁸⁵ *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. V. 2. P. 369; *Rhodes P.J.* The Ostracism of Hyperbolus // *Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis.* Oxf., 1994. P. 92.

⁸⁶ Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Tod M.N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. 2 ed. Oxf., 1946. P. 16; *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal.* 1953. 48. 4. P. 116; *Tarkiainen*. Op. cit. S. 111; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 40; *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // *Greece and Rome.* 1996. 43. 1. P. 26.

си на острака показывают в целом достаточно значительный разброс голосов. Тем не менее, если отбросить некоторый (в количественном отношении не столь уж большой) процент проголосовавших по случайным причинам, в целом типичная остракофория де-факто оказывается, как правило, все-таки противостоянием двух лиц. И интенсификация применения остракизма обычно происходила тогда, когда расклад политических сил временно приобретал «биполярный» характер, а кроме того, важную роль в политической жизни начинали играть спорные вопросы межгосударственных отношений.

Мы уже отмечали в своих работах, что именно так обстояло дело в период первых остракофорий в V в. до н.э. (серия из пяти остракофорий на временном отрезке между Марафонской битвой и походом Ксеркса), а также при последнем остракизме в 415 г. до н.э., когда соперничали между собой Никий и Алкивиад, однако парадоксальным образом изгнанным оказался Гипербол⁸⁷. Работая над монографией об афинском остракизме, которая на сегодняшний день уже почти завершена, мы провели специальное исследование эмпирического материала, относящегося к остальным известным из источников остракофориям, и обнаружили, что аналогичным образом ситуация развивалась практически всегда, когда в Афинах вставал вопрос о голосовании черепками. Здесь мы, разумеется, не можем привести соответствующие факты и аргументы, поскольку это слишком увеличило бы и без того немалый объем данной статьи. Мы лишь в иллюстративных целях обобщим полученные результаты в виде таблицы. Сразу отметим, что в этой таблице все остракофории выглядят в известной мере «усредненно», без характерных для большинства из них красочных деталей и нюансов. В результате картина может показаться читателю упрощенной, но, очевидно, это неизбежно.

Таблица

№	Год до н.э.	Пара противостоящих лидеров	Характер противоречий	Политик, подвергшийся изгнанию
1	487	Гиппарх, сын Харма, – Фемистокл (?)	Отношение к персидской угрозе	Гиппарх, сын Харма
2	486	Мегакл, сын Гиппократа, – Фемистокл (?)	То же	Мегакл, сын Гиппократа
3	485	Каллий, сын Кратия (?), – Фемистокл (?)	То же	Каллий, сын Кратия (?)
4	484	Ксантип – Фемистокл (?)	То же	Ксантип
5	482	Аристид – Фемистокл	То же	Аристид
6	470	Фемистокл – Кимон (?)	Афино-спартанские отношения (?)	Фемистокл
7	461	Кимон – Перикл (?) или Алкивиад Старший (?)	Афино-спартанские отношения	Кимон
8	Ок. 460	Алкивиад Старший – Менон (?)	То же	Алкивиад Старший
9	Начало 450-х	Менон – Перикл (?)	То же (?)	Менон
10	Начало 450-х (?)	Каллий, сын Дидимия, – ?	?	Каллий, сын Дидимия
11	444	Фукидид, сын Мелесия, – Перикл	Вопрос об основании Фурий	Фукидид, сын Мелесия
12	430-е (?)	Дамон – ?	?	Дамон
13	415	Никий – Алкивиад	Вопрос о Сицилийской экспедиции	Гипербол

⁸⁷ Суриков. Политическая борьба...; он же. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.

Подчеркнем, что остракизм, как правило, был для гражданского коллектива последним, крайним средством выбора между двумя лидерами и двумя политическими линиями. Потому-то к этому средству по большей части и обращались нечасто. Нет сомнений, что в целом разногласия между соперничающими группировками и видными политиками – по поводам важным и не слишком важным – возникали часто, если не постоянно, но отнюдь не в каждом случае эти разногласия приводили к остракофории. «Суд черепков» вступал в свои права тогда, когда демос уже не видел другого способа разрешить назревшее противоречие, кроме временного удаления одного из конкурентов.

На материале тех остракофорий, обстоятельства которых известны более или менее детально, можно судить о том, что в принципе остракизм мог приводить к следующим результатам: а) сталкивались два примерно равных по силе политика, в итоге один из них изгонялся, а другой побеждал и получал возможность беспрепятственно проводить свою линию (случай Аристиды и Фемистокла, 482 г. до н.э.); б) лидер, ранее пользовавшийся безусловным авторитетом, подвергался остракизму, на смену ему приходил другой (или другие), и соответственно политическая линия государства менялась, порой весьма существенно (случай Кимона, 461 г. до н.э.)⁸⁸; в) прежнему лидеру удавалось отстоять свое первенство, а в изгнание отправлялся конкурент, рискнувший бросить ему вызов и попытаться занять его место (остракофория 444 г. до н.э., когда Перикл не только сохранил имевшееся у него влияние, но, более того, еще и упрочил собственное положение); г) изгнанным оказывалось третье лицо, а оба основных соперника и после остракофории оставались в полисе; соответственно существовавшая напряженность не снималась. Впрочем, следует сказать, что этот последний вариант развития событий имел место лишь однажды – на последней остракофории. Он был явно нетипичен, а, кроме того, прямо противоречил одной из основных функций остракизма и тем самым подрывал этот институт.

Хотелось бы указать еще на одну функцию остракизма, которая, может быть, не столь бросается в глаза, но представляется, тем не менее, немаловажной и небезынттересной. В жизни многих обществ, особенно традиционных, весьма значительное место занимал феномен карнавала, представлявший собой периодическое (обычно ежегодное) временное снятие бинарных оппозиций во всех аспектах бытия, «переворачивание» или, если так можно выразиться, «выворачивание наизнанку» всей системы повседневных отношений⁸⁹. Не является исключением и античная Греция, в частности классические Афины⁹⁰. «Карнавальность» в них пронизывала собой многие сферы культуры. Карнавальным началом, в частности, был всецело проникнут жанр древней аттической комедии.

Кажется, есть основания отнести остракизм к институтам карнавального характера. Поясним свою мысль. Остракизм, как мы знаем, проводился раз в год – не чаще и не реже. Выше мы соотносили эту периодичность с его возможным происхождением из ритуала «козла отпущения», который как бы уносил из общины «грехи», накопившиеся в ней за годичный период⁹¹. По

⁸⁸ О таком варианте развития событий ср. *Tarkiainen*. Op. cit. S. 114; *Sinclair*. Op. cit. P. 170.

⁸⁹ Об «идее карнавала» см. наиболее подробно: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.

⁹⁰ Нам уже приходилось недавно писать о некоторых проявлениях карнавального начала в афинской культуре классической эпохи: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 208 слл., 273 слл.

⁹¹ Говорим о «грехах», конечно, *cum grano salis*. В целом древнегреческой религии было чуждо этическое понятие греха. Ср. *Grube G.M.A.* *Euripides and the Gods* // *Euripides. A Collection of Critical Essays*. Englewood Cliffs, 1968. P. 37; *Каждан А.П.* Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184.

сути дела данный ритуал сам по себе может рассматриваться как одна из карнавальных форм культуры. Далее, остракизм выполнял ярко выраженную медиативную роль при снятии бинарных оппозиций в политической жизни. Собственно, в случае назревания таких оппозиций этот механизм и запускался.

Для остракофории в Афинах V в. до н.э. было характерно «переворачивание» обычных политических отношений, причем проявлялось это в различных аспектах. С одной стороны, демос в этот день властно распоряжался судьбами своих политических лидеров (ср. образы афинских политиков – Никия, Клеона и др. – как слуг старика Демоса в карнавальном жанре комедии, во «Всадниках» Аристофана). С другой стороны, применение остракизма часто приводило к реальному «переворачиванию» всей политики, когда один лидер сменял другого (подобно тому, как в карнавальных фольклорных действиях новый царь приходит на смену старому⁹²).

У остракизма, как и подобает на карнавале, была своя смеховая сторона. Мы сейчас имеем о ней достаточно смутное представление, поскольку источники, как правило, не концентрируют свое внимание на этом нюансе, однако о том, что она присутствовала, недвусмысленно дают понять инвективные надписи на остраконах, отличающиеся фольклорным, юмористическим, подчас обценным характером. В ходе пропагандистских кампаний, которые велись перед остракофориями, важное место занимали проходившие как раз в это время года празднества дионисийского цикла, на которых будущие «кандидаты» на изгнание осыпались насмешками. Впоследствии, насколько можно судить, эти насмешки так и перекочевывали из уст комических хоров на острака.

Итак, остракизм можно рассматривать как некую форму политического карнавала? Признаться, мысль слишком нова и нетривиальна, чтобы можно было сразу дать положительный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, идея представляется нам перспективной и требующей дальнейшего осмысления и развития.

Характерно, что любому карнавалу свойственно акцентирование внимания на личностных, а не на абстрактных категориях. Это в полной мере относится и к афинскому остракизму. Справедливо отмечалось⁹³, что на остракофориях, по сути, стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой, и мотивы многих голосующих граждан были скорее личными, нежели политическими. Это опять же достаточно ясно из надписей на остраконах.

Во многом резонно (хотя, естественно, пользуясь оборотами, свойственными его времени, которые мы вряд ли сочли бы научными) замечает Плутарх (Aristid. 7), что остракизм был милосердным средством утишить зависть (φθόνου παρασυσθία φιλόανθρωπος), выразившимся не в чем-то непоправимом (εις ἀνήκεστον οὐδέν), а «всего лишь» в десятилетнем изгнании того, кто вызывал эту зависть. Посредством остракофории афиняне как бы «выпускали пар» своего недовольства в связи с той или иной конкретной ситуацией. Говоря более терминологично, остракизм с социально-психологической точки зрения был средством компенсировать коллективную фрустрацию внутри гражданского коллектива. Характерно, что Плутарх, давая «истинное» определение функции остракизма, тут же отмечает, что для благопристойности эту

⁹² См. о такого рода действиях: Cornford F.M. The Origin of Attic Comedy. 2 ed. Cambr., 1934.

⁹³ Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 15; Mitchell, Rhodes. Op. cit. P. 26.

процедуру называли (ἐκολεῖτο μὲν δι' εὐπρέπειαν) «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества». Херонейский биограф, таким образом, различает и отделяет друг от друга «мнимое» и «реальное» назначение института остракизма. Наверняка ему с хронологической дистанции в полтысячелетия именно такой и представлялась ситуация. В действительности же речь, очевидно, следует вести не о «мнимой» и «реальной», а о первоначальной и вторичной (модифицировавшейся) функциях. Как отмечалось выше, в первой стадии своего формирования остракизм был действительно направлен против «сильных личностей», выразителей индивидуалистической тенденции. Судя по всему, по традиции и в дальнейшем считалось, что это так, хотя остракизм в течение V в. до н.э. приобрел уже новые функции (способ выбора между конкурирующими политиками и их линиями, средство компенсации фрустрации), и эти функции затмили, отодвинули на второй план первоначальную.

Настало время обозначить окончательные результаты исследования. Говоря о функциях института остракизма, мы разделяем несколько аспектов рассматриваемой проблемы. Дело в том, что эти функции не оставались неизменными, а, напротив, подвергались достаточно существенным модификациям. Сама идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса – индивидуалистической и коллективистской⁹⁴. Ранние формы остракизма (которые мы условно называем «протоостракизмом», дабы отличать их от «классического» афинского остракизма V в. до н.э.) являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию.

Что же касается закона Клисфена об остракизме, принятого в Афинах на рубеже архаики и классики и сделавшего данную процедуру прерогативой народного собрания, этот закон прекрасно укладывается в рамки всего комплекса клисфеновских реформ, передававших верховную власть в полисе из рук аристократии в руки демоса. Демос, переняв аристократический по происхождению институт, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве. Кроме того, остракизм, как достаточно мягкая и гуманная мера, служил и цели упорядочения политической борьбы, ранее зачастую принимавшей весьма жесткие формы.

Однако со временем, в течение V в. до н.э. остракизм обрел ряд новых функций, которые в известной мере стали даже главными, отодвинув на второй план первоначальные. Конкурирующие политические лидеры использовали остракизм как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом⁹⁵, а для демоса он стал способом выбора (в ситуации биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями (прежде всего внешнеполитическими). Можно говорить также о том, что остракизм являлся удобным и гуман-

⁹⁴ В менталитете эпохи эти две тенденции нашли отражение соответственно в категориях ὑβρις и σωφροσύνη. Об этих важнейших для древнегреческой цивилизации категориях см. *Del Grande C. Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica* (da Omero a Cleante). Napoli, 1947; *North H.F. A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // TAPhA. 1947. 78. P. 1–17; Dirat M. L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973; Сурков. Эволюция религиозного сознания... С. 40 сл.*

⁹⁵ Ср.: *Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr, 1983. P. 55.*

ным средством компенсации фрустрации внутри гражданского коллектива в условиях прямой демократии полисного типа.

Остракизм, аристократический по происхождению институт в демократическом полисе, по традиции сохранил свою направленность на представителей высшего слоя знатной элиты и в этом смысле может рассматриваться как мера если не почетная, то, во всяком случае, подчеркивавшая высокое значение и авторитет политика, который ей подвергался.

FUNCTIONS OF OSTRACISM AND ATHENIAN POLITICAL ELITE

I.E. Surikov

When studying functions of ostracism, it is necessary to distinguish between different aspects of the problem. The functions in question did not remain invariable but were subject to considerable changes. The idea of ostracism as a «preventive» banishment of influential persons arose as early as in the Archaic epoch, on the verge of two political trends in early Greek polis, individualistic and collectivist ones. The early forms of ostracism (which can be called «pre-ostracism», as it was not the assembly, but various aristocratic *boulai* that took decisions about it) were a means of mutual control used by members of the ruling noble elite in order to prevent any one of them from becoming a tyrant. As to the Kleisthenes' law of ostracism, which was established in Athens in 508/7 BC and submitted turned over the procedure to the competence of the assembly, this law must be considered within the whole complex of Kleisthenic reforms which passed the supreme power in the polis from aristocracy to the people. The latter adopted the institution that had an aristocratic origin. Since then the Athenian demos became the main guarantor against revival of tyranny and against sharp outbursts of *stasis*; by means of ostracism it also controlled activities of its noble elite. All this corresponded to the new role of the people in the Athenian State. Furthermore, ostracism, being rather a mild and humane measure, helped to regulate political strife, which had often taken brutal forms before.

However, later, in the course of the 5th century BC, ostracism acquired several new functions, which even became to some extent predominant and moved aside the original ones. Rivaling political leaders used ostracism as a powerful tool for struggle with each other. On the other hand, the demos began to consider ostracism as a way of choice between leaders (especially when there were two competing leaders) and their lines, particularly in the field of foreign affairs. Ostracism also became a convenient means for compensating for the collective frustration within the community under the conditions of direct democracy. Thus, ostracism was a democratic institution of an aristocratic origin. It retained its traditional orientation against representatives of the highest elite. In this sense it was a measure, if not honorary, in any case underlining the authority of the politicians who became its victims.